

идентичность включает всё сразу. Она не современная. Могут ли так сделать современные люди или нет? С другой стороны, несмотря на то, что у меня есть какая-то советская идентичность, я представитель русской церкви. Насколько русская церковность может совпадать с идентичностью советской? Это достаточно большой вопрос, и если так дальше рассуждать, то можно самим себе задать вопрос, не является ли эта идентичность некоей внешней?

Дело в том, что эпоху постмодерна можно назвать эпохой изобилия, но изобилия не только экономического или технического, но и интеллектуального. В связи с этим некий постчеловек, человек эпохи постмодерна, потребляет интеллектуальный продукт, и в этом смысле он может потребить неограниченное количество идентичностей, зачастую очень противоречивых. Что, однако, позволяет манипулировать идентичностями примерно таким же образом, как и обилием товаров и реклам. В частности, современные многочисленные сексуальные идентичности – это не что иное, как интеллектуальный продукт, который можно подобрать под себя. Обилие идентичностей показывает, что мы имеем дело не столько с каким-то архетипическим, сколько с действительно интеллектуальным продуктом. Можно сказать еще, что все эти процессы, идея национальные – это мысли, и они накладываются на различные скорости исторического развития, его цикличность в приложении к региональным особенностям. Что в какой-то степени не позволяет миновать определенные этапы. Например, в арабских странах направляли своих известных сограждан учиться на Западе, и те там проявили себя как интеллектуалы, деятели культуры, вежливые, утонченные, но, возвращаясь, они превращались в обычных исламских террористов. Пока все государство не пройдет определенного пути, сколько бы ни вкладывало оно в образование – это не принесет какого-то результата. В этом смысле важно понять, на каком этапе мы находимся. Деконструкция, которая у нас происходит, деконструкция государства, деконструкция семьи, деконструкции религии в том числе – она в конце концов позволяет нам в рамках неоконсерватизма попробовать реконструировать, но единственное, что, на мой взгляд, нужно, если мы хотим реконструировать вот это всё, что я назвал: семью, государство, политическую какую-то идентичность – не надо ее копировать из прошлого, поскольку прошлое оказалось уже неэффективным. И, вероятно, именно это описано в тринадцатой статье нашей Конституции, которая говорит, что никакая идеология не может быть объявлена государственной, потому что эта идеология, скажем так, показала неэффективность в качестве русской идеи.

Доклад 12.

Русская философия как выход за пределы

Олег Георгиевич Бахтияров

Автор метода психонетики, техник активизации сознания и работы с сознанием. Генеральный директор Университета эффективного развития.

Эта тема в том, что русская философия подходит к каким-то пределам и интерес возникает не к тому, что есть, а к тому, что там. И это мне представляется достаточно важным в русской философии. Тем более что в размышлениях о русской философии часто присутствует некое таинственное, на первый взгляд, самоотрицание.

При обсуждении русской философии, истории русской философии достаточно часто встречается утверждение, что русской философии как таковой нет. И частота этого «нет» достаточно велика, притом что массив русских философских публикаций (именно авторов) достаточно велик.

Достаточно назвать имена Флоренского, Левицкого, философа уже послевоенных лет – Зиновьева. И это вызывает подозрение, что слово «нет» обозначает не отсутствие философии как таковой, а нечто непроявленное в видимых текстах, то, что находится по ту сторону их.

Нечто такое, для выражения чего нет адекватного языка. Мы понимаем, что мы хотим что-то выразить, фундаментальное и существенное, начинаем выражать на том языке, который существует, языке, который сложился в философии достаточно долгое время, на том языке, который дает нам возможность описать многие вещи. Но вместе с тем этот язык весьма ограничен, и у нас остаются некие неопишываемые зоны. То есть нечто такое, для выражения чего нет адекватного языка. Эта тема звучит у нас регулярно и систематически. Многие современные поиски и ранние разработки были связаны именно с тем, что мы постоянно подходим к этому барьеру, барьеру, который поставлен нашими представлениями, нашим языком, всем тем, что образует преграду между нами и реальностью, которая находится за пределами нашего ограниченного человеческого сознания.

Есть еще один вариант. Вот это нечто, что просматривается при этом отрицании. Я сказал бы, что это постановка вопроса, в чем отличие русской философии от других философских миров. Вопрос сам по себе намекает на противопоставление своего мира всем реализованным философским концепциям. То есть философских концепций достаточно много, они различные. Иногда мы их приписываем каким-то регионам. Иногда мы говорим, немецкая философия, иногда мы говорим китайская философия. Когда мы говорим о русской философии, то мы понимаем – она не такая. Вопрос намекает именно на это противопоставление всем реализованным философским концепциям.

И здесь звучит даже не столько намерение отличаться от того, что есть, сколько, я бы сказал, такой неявный тезис, что ценностью обладает лишь то, чего не было бы, если бы не было нас. То есть ценностью обладает нечто такое, что не проявлено. Потому что, когда нечто начинает проявляться в нашей жизни, оно как-то стремительно теряет свою ценность как таковую. Если нечто высказано, оно уже здесь присутствует. Поскольку оно присутствует в нашем ограниченном мире, то оно тоже становится таким же ограниченным, как и этот мир. И вот то, что лежало в основе этого высказывания, та глубокая мысль, глубокий смысл, который лежал в основе каждого тезиса, – смыслы при этом теряются и остаются где-то там. Из этого вопроса проистекает тезис, как сделать то, чего нет. И самое главное, как сделать то, чего быть не может, и как оперировать этим самым, чего нет в проявленном мире. То есть то, что находится рядом с нами, и то, что получило свою реализацию в некоторых ограниченных формах, но тем не менее осталось там. А это означает – каким образом выйти в позицию? Ту, из которой создается проявленное. И как сделать то, что не проистекает из окружающих видимых реальностей?

Чувство того, что русской философии нет, проистекает из того факта, что нет адекватных форм для ее развертывания в видимом мире, и поэтому нужно создавать эти новые формы. Для этого необходимо выйти за пределы существующих форм и породить новую реальность из непроявленного.

Эта тема регулярно проявляется. Регулярно проявляется тема иного, которая звучит в работах современных авторов последние двадцать лет. Данная тема звучит в работах ряда философов и людей, которые примыкают к философскому знанию. Мы можем здесь назвать и работы С. Б. Переслегина, и группы людей, которые сотрудничают с ним, но и не только здесь, не только в России. Мы можем назвать имена Сергея Детюка, Владимира Никитина. Это и киевские философы, которые

работают в этом ключе и для которых тема «иного» тоже становится важной и принципиальной.

Кстати, когда мы говорим о том, что эта тема звучит в Киеве, то этим самым мы подчеркиваем все-таки фундаментальное единство русского мира как такового. Оно уже звучит там, но на эту тему, которая регулярно обсуждается и здесь. «Иное» – это то, чего нет. Даже не только то, чего нет. Лучше сказать, что «иное» – это не то, чего нет, а то, что существует в непроявленном виде, а для его проявления нет подходящих условий. И опять-таки последние двадцать лет мы регулярно и систематически сталкиваемся с работами, которые постоянно пытаются выйти за пределы той ограниченной логики, с которой мы работаем. Последние лет двадцать – двадцать пять регулярно появляются работы, в названиях которых звучит слово «логика», и это указывает на то, что это логика другая. При этом «логика смысла» изучается отнюдь не последние годы, были и ранее французские работы об этом, но все равно логика смысла – именно иная логика, не та логика, которой мы оперируем, а какая-то иная. Уже начинает фигурировать в работах Андрея Смирнова логика всеединства, последующие разработки есть у Вячеслава Моисеева. У Георгия Смирнова это звучит как «логика целостности». Опять-таки у Андрея Вадимовича Смирнова и Владимира Константиновича Солондаева есть название «Процессуальная логика», в основном эти понятия звучат в России.

Мы можем вспомнить вводную логику. Там, где «мы пытаемся», там, где «он пытается» более точно выстроить иные типы рассуждения, нежели те, которыми мы обычно оперируем. Отсюда и название немножко другое – «интегральное мышление». Но в основном, эти работы, посвященные формированию иных логик, звучат все-таки у нас, в России. Речь идет о том, что мы сталкиваемся с ограниченностью наших способов моделирования мира. Но как пример можно привести то, к каким пределам мы подходим.

Ограниченность нашего языка и отражение этой ограниченности в различных операциях ведет к тому, что мы, например, не можем себя адекватным образом отразить, как и всю процессуальность как таковую. Для нас процесс всегда отражается как набор отдельных стадий, а не как процесс как таковой, язык этому не соответствует. **Мы не можем отразить в языке целостность мира.** Мы только даем имя этому делу. Когда мы пытаемся произвести операции, связанные с целостностью, с преобразованием целостности, мы постоянно наталкиваемся на целый ряд ограничений. И ограничения связаны с тем, что, **как только мы пытаемся дать определение целостности, мы тут же выходим за**

рамки нашей обычной логики. Опять-таки ссылаемся на работы Георгия Смирнова, этот тезис у него прозвучал еще в 1977 году, в его работах, которые тогда были опубликованы в «системных исследованиях», где он давал определение целостности как той реальности, где идеально целостный объект – это объект, который задается круговой процедурой взаимоопределения его свойств. Это означает, что мы не можем выделить какое-то первичное свойство, с которого мы можем начинать описание какого-либо целостного объекта как такового.

Реальность отделена от нас границей, оболочкой, завесой тех формулировок, которыми мы оперируем. У нас очень развит язык, очень развит философский язык, анализ. Но тем не менее мы постоянно натываемся на определенные ограничения. Как пример, у нас есть противопоставление свободы и обусловленности. То есть факт, что наша воля, которая находится внутри нас, она действительно не обусловлена, она действительно свободна. На этот счет ведутся регулярные дискуссии на протяжении тысячелетий. Но тем не менее наличие этих двух позиций, которые регулярно противопоставляются друг другу, и выхода из этих дискуссий не видно, говорит о том, что существует «реальность свободы» и существует «реальность обусловленности» как таковой. А что находится за пределами этого? Что больше, чем различие «свободы» и «обусловленности»? Какой фактор проявляется у нас и как «свобода», и как «обусловленность»? Что это такое? Что представляют собой миры вне этого противопоставления? Что представляют собой миры, которые находятся вне противопоставления нашего сознания, именно несознательный фактор?

Так или иначе, какую бы онтологию мы ни устраивали, которая уже постепенно отмирает и сознание рассматривается как результат деятельности нейронных структур физических систем то, что настроено над ними, отмирающий взгляд на сознание. Можно сослаться на целый ряд работ, которые об этом говорят. С одной стороны, это все, безусловно, так. Но когда мы говорим о сознании как таковом, о сознании нелокальном, как бы мы к сознанию ни относились, все равно мы выделяем в сознании нечто такое, что действует на наше сознание извне.

Как мы можем описать позицию, из которой создается и сознание, и то, что мы называем материальным миром? То есть то, что действует на сознание и проявляется только лишь сознание как отражение, но мы не можем увидеть, что это такое на самом деле. То есть то, что проявляется у нас как чашка, за этим стоит нечто. Но это нечто проявилось у нас как чашка. Потому что наше сознание обладает определенными операциями по превращению того, что приходит к нам извне. Именно в

эти формы. А какова позиция вне этого? Какова позиция над этим? И здесь совершенно неизбежна разработка операции выхода за пределы существующих лингвистических форм. В том числе создания адекватных языков, которые способны отразить это невыразимое иное, то, что находится по ту сторону.

Конструирование новых языковых средств при этом становится уже не лингвистической, а философской задачей. Как мы можем построить тот язык, в котором мы могли бы осуществить те операции, которые позволяют нам это иное начать описывать? При таком подходе многие тезисы в отношении русской философии приобретают и несколько иной вид.

Так, например, у нас звучит тезис «русское есть единое во многом», ведет он нас не к поиску очередной обобщающей формулировки, объединяющей то, что может гармонично сочетаться друг с другом, а к выходу за пределы противоречивой множественности, в ту точку, из которой порождается разнородная концепция, доктрины и онтология. Вот в этом «ином» обретает свое место философский конструктивизм.

Я бы даже сказал, что русская философия постоянно тяготеет к конструктивизму, но избегает этой формулы, потому что опять-таки, введя термин «конструктивизм», мы тоже ограничили «нечто», что выходит за рамки нашей, обычной условности. Вот мы говорим о том, каким образом создается мир. Как мы должны его создавать? Каким образом мы можем подойти к этому созданию? Этим действием восстанавливается иерархия культуры, которая разрушена представлением о принципиальном равенстве несовместимых концепций.

Опять-таки, давайте посмотрим, в какой фазе культуры мы находимся, в силу того, что нам известны различные философские доктрины, различные онтологии, мы понимаем что каждая цивилизация создает свою онтологию и она является адекватной для данной цивилизации. У нас происходит обесценивание любых построений, которые мы делаем. То есть разнородное у нас вместо того, чтобы превращаться в составляющую часть большой симфонии, становится опять-таки каким-то равноценным. И поэтому, когда мы говорим «единое во многом», мы скорее делаем акцент на том едином, которое находится сверху над этой разнородностью. Разнородное тогда превращается в часть симфонии, которая управляется сверху из этого самого порождающего «иноного». Вот это иное с позиции снизу видится как некоторая пустота, объемлющая разнородное.

Однако сверху она представляется как пустота, порождающая видимую форму. Это то, из чего возникает видимое как таковое. Даже само

представление об «ином» – это всегда представление о некоторой пустоте, которая что-то создает. А вот как возможно описание пустоты? Такое описание предполагает выход за рамки четких структурных характеристик. Мы не можем описать пустоту набором свойств, качеств, отношений, структур и т. д. Это предполагает выход за рамки четких, структурных характеристик и создание языка особого типа, который можно было бы назвать языком развертывания смыслов, эйдосов, который развертывается в различных онтологических средах. Но тогда у нас начинается противопоставление онтологии, которая находится перед нами, и действия, которое мы производим по отношению развертывания тех или иных тезисов в различных средах. Но есть же точка, из которой эти сферы развертываются.

Поэтому языковое конструирование становится столь же важным условием в русской философии, как и владение логическими операциями. Но языковое конструирование находится над этим, над логикой. Потому что мы в состоянии создавать различные «логики» и не только вариации многозначных логик, как они были разработаны еще в XX веке, а из тех операций, которые выходят за рамки того, что может быть отражено в языках. То есть оно позволяет выявлять нам идеальную «материальную», но при этом идеальное становится активным фактором, который управляется материальным и становится способом развития сущего. Этот факт позволяет нам увидеть равноценность форм сущего как частичных отражений универсального. Это создает у нас основание именно для соборности как таковой, как осознанного сочетания различных форм активного бытия. На соборности мы еще остановимся, поскольку представление о соборности персонализма сформулировано как ключевая характеристика русского персонализма у Сергея Баранова. Баранов очень интересный автор, один из тех, кто пытается как раз найти ту основу, которая отличает русскую философию от всего остального. Но, когда мы начинаем приближаться именно к такому описанию, мы снимаем противопоставление различных философских миров. Они согласуются между собой под водительством того «иноного», отражением чего они по сути дела и являются.

Давайте еще раз вернемся к тому, чем русская философия отличается от других. Вообще-то наше дело не отличия выявлять, а реализовать свое. То есть ряд очень разных, но взаимосвязанных концепций, которые противопоставляются. Опять-таки не совсем это философский конструктивизм. Тем не менее из этой области. Как сделать? Не как выявить, а как сделать. Но если мы говорим об этом, то это предполагает несколько иной строй культуры и соотнесение нашего сознания с

культурой иначе, чем оно обычно соотносится. Вот точка, к которой мы подошли, столкнувшись с разнообразием культур. Точка, из которой сознание должно порождать культурный продукт, ведь обычно наше сознание – это то, что управляется культурой, то, что находится в культуре и формируется культурой как таковой.

Когда мы начинаем управлять культурой, создавать культуру, мы этим самым делаем некую инвентаризацию культуры. Тогда мы сталкиваемся с тем, что мы начинаем проявлять свою волю как некоторое порождающее начало: не своеволие, не подчинение желаний, не хаос желаний, который возникают у нас, а именно та воля, которая протекает из глубины нашего Я, из нашего чистого Я. Когда мы говорим именно о такой позиции, **когда мы нечто создаем, а не нечто управляет нами**, мы начинаем соотноситься с термином, о котором я уже сказал, который используется Сергеем Барановым в отношении русской философии, «мы в сфере культуры». Еще раз повторю, это тезис **«соборный персонализм»**, вот когда мы говорим о соборном персонализме, мы говорим о том, что мы можем представить себе такую модель анархии, в которой невозможно начальство, которая не подчиняется ничему, которая самодостаточна.

Как могут взаимодействовать между собой люди такого типа? Понятно, что здесь ничего не навяжешь, никакое насилие не учинишь, и тогда начинается какая-то особая координация. Когда мы понимаем, что **другой человек, другая личность, персона, другой индивид ценен для нас тем, что он отражает другие аспекты мира**. Вот мы видим определенную часть мира, определенный сегмент, а ведь другие сегменты и ценность соборности для таких вот свободных существ имеют ценность взаимодействия именно в том, что каждый может принести свой определенный сегмент и обогатиться теми сегментами, которые приносят другие участники этого дела.

Когда мы начинаем рассуждать таким образом, мы должны задуматься над тем, чем все-таки отличается культура в России, если это можно назвать культурой или чем-то иным, русская цивилизация, если это тоже можно назвать цивилизацией. Я даже предпочитаю просто использовать термин Россия вместо того, чтобы снять термин государство, цивилизация или что-либо иное.

Мы начинаем задумываться над тем, с чем соотносится наше русское бытие, с чем соотносится русская философия. И она соотносится не только с нашей жизнью, не только с тем, что находится рядом с нами, и за пределами того, что мы видим, но еще и с чем-то, что находится над нами. Вот тогда становится понятен тезис Райнера Марии Рильке:

«Другие страны граничат с горами, морями и реками, Россия же граничит с Богом...» Понятно, что это скорее направленность нашего движения, а не реальность.

Хроническое создание нового и реализация этого нового по сути дела и является некоторым внутренним нервом, который постоянно создает это противоречие. **Вроде бы есть русская философия, есть многочисленные тексты, и вместе с тем каждый раз мы думаем, а на самом деле нет. Потому что находящееся там, за пределами, не приобрело еще форму правильной реализации, у нас нет подходящего инструментария** для того, чтобы все это можно было сделать. **Инструментарий предполагает, что мы начинаем подчиняться не тем нормам мышления, которые есть, а чему-то другому.**

Мы обеспечиваем подчинение человека внешним и достаточно примитивным факторам, которые сохраняют его статус подчиненного существа. Но Бог-то хочет от нас свободы, не подчиненности спонтанным желаниям, а свободы как таковой. Поэтому, кстати, начала, так сказать, юридические для нас и представляют некоторые ограничения, которые постоянно переходятся. Мы часто противопоставляем юридическим началам начала справедливости. Но здесь я буду рассматривать некоторые начала внутренней свободы, которые находятся по ту сторону от нашей организованной реальности. Знаете же эти пародийные строчки:

«По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадием сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в штаны узкие
Юридических начал».

Данная пародия отражает очень точные вещи. Она показывает нам, что начала юридические вообще и те нормы, которые ограничивают нашу свободу, управляют нами просто потому, что мы не достигли этой внутренней Свободы, того, как задумал нас Бог. Это и есть исчадие сатаны по большому счету. То есть они закрепляют наш неполноценный статус человека, который является только лишь отражением стимула, который приходит. Здесь и есть намек на расхождение с европейским типом организации жизни, где монархический произвол был заменен

подчинением юридическим нормам, что отнюдь не лучше. Это тоже одно из фундаментальных расхождений. То есть мы постоянно говорим о преодолении нормативов, ограничений, форм, структур и всего остального, рядом с нами находятся миры, которые управляются именно нормами как таковыми.

Когда мы говорим о нормах, спрашиваем, а зачем они нужны. Но нормы нужны, потому что ими мы каким-то образом ограничиваем свои искаженности. То есть человек – существо искаженное. Мы находимся в искаженном мире. Рядом с нами регулярно происходят искаженные события. Но из понимания своей искаженности проистекают две реакции. Одна из них либеральная: «Давайте заменим свои искажения чужими». В России это присутствует. Мы понимаем свою глубокую искаженность как любого человеческого существа. И мы пытаемся заменить свои искажения чужими, отсюда это стремление перенести на русскую почву европейские нормы, либеральные нормы и все остальное. То есть заменить наши искажения искажениями того, что почему-то называется свободным миром. Есть другая русская реакция: «Давайте понемногу избавляться от искажений как таковых». Из этого проистекает один из аспектов русского проекта: **сделать то, чего сделать нельзя**. Звучит это регулярно и постоянно. То есть мы подходим к развилке, которая определяется так: развилка между тем, как есть на самом деле, и тем, как сделать то, чего нет. Отсюда соединение размышлений с использованием нашего инструментария мышления и постоянное создание нового инструментария. Понимание того, что хроническая недостаточность должна соединяться с хроническим расширением инструментария. То есть мы понимаем, что наш инструментарий видения мира, понимания мира всегда недостаточен. Это означает, что мы должны хронически его расширять, хронически преодолевать искажения. Вот это, я бы сказал, и есть одна из задач, которая лежит в основе русской философии. На эту тему опять-таки достаточно много высказываний. Могу сослаться даже на название статьи Сергея Анатольевича Батчикова, в одном из последних номеров «Завтра»: «Достичь невозможного». При оценке конкретного содержания могут возникать разные несогласия. Но это неважно, главное – достичь «невозможного».

С этим связаны философские разработки темы «невозможного», которые в нашем поле происходят уже достаточно регулярно. Могу сослаться на работы Синенко, целого ряда авторов, которые тему «невозможного» поднимают и рассматривают опять-таки как некоторую реальность и то, к чему мы не можем никак перейти, а как то, что мы должны сделать.

То есть человек потенциально активен и свободен, но если мы посмотрим на актуальность вообще, то человек актуально ленив и зависим. Центральный вопрос, смыкающийся с христианским пониманием человека, это как стать активным и свободным, что проистекает из нашей активности и нашей свободы. Когда мы рассуждаем таким образом, мы начинаем вводить некоторые как бы зоны обитания русского мышления. Вне зоны обитания в этом организованном мире, но проекция, безусловно, идет, много интереснейших глубоких текстов на самом деле. Но мы начинаем сталкиваться с тем, что мы находимся в каком-то смысле на границе со всем существующим. Я могу привести высказывание одной украинской пропагандистской девушки. Она, критикуя Россию, набрасываясь на нее, отрицая ее существование как чего-то реального, высказала мысль, в которой все же есть некий смысл. Она написала так: «России нет, вместо нее есть граница между Финляндией и Китаем». Мы знаем, что существуем. Но вот эта мысль, что **Россия есть граница, Россия находится между**, она мне представляется ценной. То есть она сама не поняла, что сказала. Один из аспектов существования России – именно «между», не сливаясь ни с чем, но и не отделяясь ни от чего. Это в каком-то смысле приземление тезиса «о нераздельности и неслиянности». То есть мы не делимы с тем, что находится рядом с нами, с культурами Европы, Китая, Индии, мусульманского мира. Вместе с тем при всей этой нераздельности мы не сливаемся с ними, мы неслиянны.

Я этот тезис «нераздельности и неслиянности» опускаю в наш достаточно примитивный и ограниченный мир, и он начинает звучать именно как наличие границ. В итоге мы приходим к пониманию себя между существующими «надформами», поскольку мы в состоянии создавать, это становится нашей задачей, и «вне их». То есть между «вне» и «над» представляется каким-то ключевым образом, который заключен в нашей философии. И развитие русской философии видится и базируется именно на этих категориях «между», «над», «вне».

То есть быть между всеми, не становясь частью кого-то. Быть «над», в той точке, из которой порождаются и проекты, и инструменты. Но и быть «вне».

Каким образом выйти за пределы? Опять-таки на эту тему рассуждает ряд авторов. По-разному это у них звучит. И каждый раз эти рассуждения приводят к тому, что мы выходим в позицию, из которой мы видим многообразие мира и многообразие, состоящее из несопадающих между собой онтологий, доктрин, представлений, зачастую несовместимых между собой, но существующих как реальность.

И тогда-то из точки, с которой все это видится, становится гораздо большей реальностью, нежели то, что находится перед нами. То есть мы опять подходим к этой теме. Опять таким образом преодолеваем пределы, когнитивные пределы, онтологические пределы. Таким образом, мы можем смотреть на мир, на реальность и работать с миром и реальностью в этой точке «вне» и «над», выйдя за пределы. Вот, пожалуй, и всё, что можно сказать по данной теме.

Ведущий: Огромное спасибо. Знаете, я хотел бы сразу говорить об онтологических доводах и онтологическом понимании русской идеи. Можно ли сказать, что русская идея – это достижение невозможного? Что это граница между чем-то и чем-то, не сливающимся и не разделяющимся ни с чем?

Олег Бахтияров: Я бы сказал, что, когда мы сталкиваемся с философскими доктринами, порожденными в других местах, они всегда относятся к этому месту на самом деле. Эти места могут очень различаться между собой. Китайская философия, европейская философия очень разные образования на самом деле, они различные, но они привязаны к месту. А у нас есть эта непривязанность, которая отражается в нашей истории и в создании самого нашего государства, когда непривязанность к месту была основой нашего продвижения на новой территории. И я бы считал все-таки ценностью данную **«непривязанность» к формам**. Это означает, в философии всегда должны присутствовать не только рациональные составляющие, но еще некоторые смысловые, то, что находится над «формой».

Ведущий: Спасибо. А нельзя ли назвать эту «непривязанность», с одной стороны, ведь это свобода, а с другой стороны, это какая-то заброшенность может быть.

Олег Бахтияров: С одной стороны, это свобода, с другой стороны, я бы сказал, что это такая меньшая выраженность проявленности. Смотрите, как это проявляется в нашей истории. У нас появляется проект. Он появился, начал реализоваться, и он уже неинтересен. Он уже сформулирован. Появилось Московское царство. И вот оно уже есть, приходит Империя, она уже есть, Советский Союз, он уже есть. Он отвергается. Всегда период между одним и другим заканчивается. Отсюда и проистекает некая заброшенность. Мы заброшены в этот мир, оттуда – сюда. И эта связь с тем миром, откуда мы заброшены, сохраняется. За-

тем, эта связь не создает стимулов организации жестких организованных форм, характерных, скажем, для поселений в Сибири и поселений где-то в центре Европы. Здесь дело даже не в заброшенности, а в том, что мы не тяготеем к тем формам, которые потом становятся нашими.

Ведущий: Спасибо. Теперь три вопроса, которые мы задаем нашим докладчикам. Первый: Как вы считаете, какая философская концепция будет доминировать в России в 2045 году?

Олег Бахтияров: Мы можем лишь фантазировать исходя из той позиции, в которой мы находимся. Я бы сказал, что там будет доминировать какая-то философия, которую сейчас мы окончательно и представить-то не можем. Ну смотрите, начался какой-то период очень больших преобразований, очередная тридцатилетняя война, может, более оптимистично, двадцатилетняя. Начался процесс фундаментальных преобразований. И одно из этих преобразований связано с противопоставлением смысловых глубин, которые есть в нашем сознании, и той формализации, которую несет себе мир цифровой. Ведь искусственный интеллект, цифровизация и все остальное – чем они нас тревожат? Они тревожат тем, что смыслы уходят, остаются формальности, формализмы как таковые. А этому должны быть противопоставлены смыслы как таковые в глубине нашего сознания.

Я думаю, что одна из линий русской философии пойдет как раз по этому пути. Противопоставление того, что пока не может быть высказано и выражено. И для того, чтобы это произошло, необходимо создание соответствующего инструментария. Я бы даже сказал, не нового понятийного аппарата, а скорее новых операций, которые позволяют нам расширять наше понимание. Есть вещи, которые находятся за пределами того, что мы можем описать. Вот физики, например, описывают вакуум в нашем сознании, как его можно описать? Или переживания нашего Я чистого, Я, которое смотрит на все то, что находится перед ним, то, что не является продуктом работы его организма, не культурной обработки. И когда мы начинаем оперировать этими вещами, мы приходим к моменту активизации сознания активности, может, даже в каком-то смысле волюнтаризации сознания и волюнтаризации того, что мы совершаем.

То есть я вижу все-таки русскую философию через двадцать – двадцать пять лет как ту, которая полностью освоила зону свободного создания и волюнтаризации как таковой, то есть тогда, когда мы действуем отсюда сюда и занимаем эту позицию не только здесь, но и там. Не уходим отсюда туда (на что направлены многие религиозные доктри-

ны – покинуть этот мир, поскольку он слишком ограничен, слишком примитивен, слишком нелеп и т. д., и уйти туда). Не только уходим туда, а возвращаемся оттуда сюда. Ссылаясь на тезис Юнгера, не только уйти в лес, но вернуться из леса, вернуться сюда. И это действие отсюда сюда, мне кажется, и станет одной из линий русской философии, возможно, раньше, чем через двадцать пять лет.

Ведущий: Большое спасибо. Второй вопрос. Каково будет пространственное влияние русской философии опять в 2045 году?

Олег Бахтияров: Если мы перейдем к той фазе, когда мы не только заимствуем многие формы, а начинаем производить свои формы, культурные, философские и прочие, мы к этому времени выйдем в ту позицию русской экспансии. Как это происходило долгое время в мире, когда разные культуры заимствовали европейские формы. Например, японская философия после войны фактически начала оперировать европейскими понятиями. В современной китайской философии сейчас появляются авторы, которые оперируют европейским материалом. То есть европейская культурная экспансия действительно имела место последние двести-триста лет. Она была таковой, а тогда, мне кажется, начнется экспансия русского подхода. То есть территориально понятно, что это Россия, Украина, Беларусь, очевидно, будут какие-то общие области и зоны обитания русской философии, но начнутся проекции и экспансии «туда», потому что то, что можем сделать мы на основе наших внутренних действий, это то, что не могут сделать «там». Я думаю, это будет происходить, у меня такой взгляд.

Ведущий: Понятно, спасибо. И третий вопрос. Кто носитель русской идеи?

Олег Бахтияров: Мы. Тот, кто понимает себя носителем русской идеи, тот и является носителем.

Ведущий: Спасибо. Еще есть вопрос от отца Лаврентия, который выступал до вас. Не могу не задать его. Интересно, мы одни такие особенные, что ли? Другие не заброшенные? Получается, что условные русские «особенных верхних миров».

Олег Бахтияров: Я бы сказал, что, понятное дело, все заброшенные, но у нас есть осознание этого. С чем связана хроническая самокритика

у нас? **Это в каком-то смысле переживания того, что всё здесь неправильно и мы неправильные. И отсюда есть лишь два выхода: либо действительно идти вверх и исправлять себя и свои искаженности, либо бежать в соседний искаженный мир, где наши искаженности исчезнут и на их месте появятся новые.** И это осознание заброшенности превращается в действующий фактор. То есть мы заброшены сюда и, значит, есть боевая задача.

Ведущий: Да, спасибо большое. Но ведь саморефлексия есть и у других наций. Вот, например, «нордическая раса» тоже, значит, была особенной. Чем именно отличается русская нация?

Олег Бахтияров: Позвольте, я лично задам вопрос. Мне кажется, что здесь есть слабое место, если мы встаем на какую-то религиозную или парарелигиозную картину мира. Но если все пришли из такого мира, тогда получается некий гностицизм. Так, одни пришли из высших миров, другие – из низших миров. Кстати, в индуизме, наоборот, считается, что Россия – это место для демонов, что как раз к нам в Россию посылаются демоны на исправление. Когда был фашизм, был и большой оккультный религиозный компонент. Они тоже считали, что у них как бы особенные люди, а другие не вполне люди. А это скорее анекдоты про евреев, но тем не менее рассказывают, что якобы евреи говорят, что у других, неевреев, и души-то вообще нет. Не получится ли так, что эта древняя исключительность, сыграет нам плохую службу, если мы будем считать, что мы какие-то особенные, откуда-то присланные?

Я бы сказал, что мы и должны считать себя особенными, чтобы реализовать то, что не могут реализовать другие. Потому что если это реализовано другими, то оно реализовано другими и без нас, это уже не представляет никакого интереса. Когда мы говорим, что мы особенные, мы понимаем, что, безусловно, все особенные.

Но у нас есть та особенность, которую мы должны реализовать. Вот на этом я сделал бы акцент. То есть не лучше и не хуже, чем другие. **Мы искажены точно так же, как и все искажены. Вот наша особенность, которая мне представляется важной, это способность обитать между непроявленной и проявленной реальностями.** Это не значит, что мы должны считать, что мы выше или ниже, хорошие или плохие или как-то иначе. Мы такие же, но что мы должны сделать? Наше дело – начать движение в сторону очищения себя от искажений, в которых мы находимся. Эта задача, которую мы можем перед собой поставить. Будут ли к этому примыкать другие? Замечательно, если будут примыкать, а не

будут примыкать, это их проблемы. Не наша задача преобразовывать все человечество.

Наша задача – преобразовывать себя, а не других. И понимать себя. У других очень много интересного, ведь это с нами, как с границей, находящейся между разными вещами, соприкасается. Разумеется, мы пытаемся осмыслить то, что находится там, выявить это и понять, а как же то, что находится там, реализовалось у нас. Понятно, что у нас это реализовалось как-то иначе.

То есть движение здесь не в сторону того, чтобы провозгласить свою особенность и непохожесть на других. А чтобы брать и последовательно свою задачу реализовывать. Пока не видно при таком подходе рядом с нами находящихся других культурных образований, которые двигались бы в этом направлении. Будут двигаться – замечательно, не будут двигаться – их проблемы, не наши проблемы.